

Лингвисты раскритиковали инициативу парламентариев создать сборник бранных слов.

Депутат Михаил Дегтярёв подготовил законопроект о создании сборника бранных слов – для судей, рассматривающих дела об оскорблениях. Его не устраивает ситуация, когда по одним и тем же случаям эксперты приходят к противоположным выводам. Однако лингвисты заявляют, что это нормально и легко объяснимо, а также напоминают депутатам, что словари должны составлять не судьи, а учёные.

Депутат Госдумы, член высшего совета ЛДПР Михаил Дегтярёв подготовил законопроект, предлагающий определить критерии того, что можно считать оскорблением. Документ направлен для отзыва правительству и Верховному суду.

По его словам, критерии нужны для того, чтобы судьям было с чем сверяться при рассмотрении дел об оскорблении.

В Кодексе об административных правонарушениях оскорбление определяется как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Наказывается штрафом от одной тысячи до трёх тысяч рублей для обычных граждан, от 10 тысяч до 30 тысяч рублей для должностных лиц и от 50 тысяч до 100 тысяч рублей для юридических лиц.

Оскорбление в публичном выступлении, в СМИ или в публично демонстрирующемся произведении наказывается штрафом от трёх тысяч до 500 тысяч рублей.

Формулировка этого закона допускает произвольное толкование: во-первых, самые разные люди могут заявить, что они оскорблены – был бы повод. Во-вторых, возникает вопрос, где проходят границы приличия, особенно когда не используются запрещённые в российских СМИ нецензурные выражения. До настоящего дня судьи при разборе таких дел исходят каждый из своего понимания приличного и неприличного, основываясь на своем опыте и образовании.

«К сожалению, в судах при рассмотрении исков о защите чести и достоинства по статьям оскорбления в уголовном и гражданском кодексе, в КоАП встречаются диаметрально противоположные экспертизы, когда уважаемые эксперты не могут понять, оскорбление или нет в той или иной фразе, слове», – заявил Дегтярёв РИА «Новости».

«Мы предложили проанализировать за последние 10–15 лет Верховному суду всю правоприменительную практику, свести воедино и выпустить в помощь судьям соответствующий сборник и раз в три года его обновлять», – добавил он.

По мнению депутата, принятие закона ускорит прохождение всех судебных процессов и обезопасит судей от неправомερных решений.

«Кто это будет делать? – задался вопросом в интервью газете ВЗГЛЯД председатель Гильдии лингвистов-экспертов, профессор Михаил Горбаневский. – Судьи Верховного суда? Они не лингвисты. Это опять будет попытка побудить сапожника печь пироги. Значит, даже если эта работа начнётся, то все равно к ней будут привлечены лингвисты. Но я рекомендую гораздо более простое решение. Существуют несколько словарей, в которых зафиксирована русская бранная лексика, и цензурная, и совсем нецензурная. Кто мешает Либерально-демократической партии России перечислить определённую сумму денег на счет Института русского языка им. Виноградова с предложением, что Либерально-демократическая партия готова профинансировать научные работы и тиражирование академического словаря русской бранной

лексики, об отсутствии которого так слёзно говорит господин Дегтярёв? Кто мешает не самой бедной партии в стране в качестве поддержки нашей действующей лингвистической науки перечислить серьёзную сумму денег, чтобы люди поработали? Тем более заделы есть. Пусть выпустят словарь, и пусть он будет академическим – с грифом Института русского языка. И тогда уже будет гораздо проще: так же, как в каких-то спорных случаях те же судьи апеллируют к правилам орфографии и пунктуации, они смогут апеллировать к этому словарю. Но этот словарь будет только подспорьем для решения конкретной проблемы интерпретации слова в конкретном контексте».

«Мы писали специальную методичку для Роскомнадзора, специально для его сотрудников, по анализу спорных текстов СМИ. Ей пользуются все, кому это необходимо: судьи, следователи, дознаватели. И я могу сказать, что в этой методичке мы себя всё равно ограничили, потому что все случаи невозможно предусмотреть. Это некие методические ориентиры для анализа. В таком словаре может быть некое методическое приложение. Но это должен быть фундаментальный словарь, который должен быть создан только учёными, а не слеплен где-то в недрах Верховного суда или ещё где-то. Появление такого издания я, например, восприму с удовлетворением. Почему нет? А что касается депутатов, то им всё-таки меньше нужно заниматься самопиаром. Это моя им деликатная рекомендация, а то им чаще придется принимать не законы, а лекарства», – заявил он.

Горбаневский обратил внимание, что сам депутат констатировал: бывают экспертизы, противоречащие друг другу. «Факт есть факт, бывают случаи, когда разные мнения сталкиваются. Это свидетельствует о том, что и язык – живое явление, и суд исповедует принцип максимального повышения состязательности сторон. Я знаю случаи, когда сторона истца и сторона ответчика привлекают разных экспертов, и бывает, что их точка зрения противоречит. О чём это говорит? О том, что проблема по конкретному слову недостаточно решена в самой лингвистике. И этого не может быть!» – сказал он.

«Я постоянно работаю с судьями разных уровней: районных, судьями Мосгорсуда, Верховного суда, – рассказал учёный. – И я убеждаюсь, что судьи – исключения только доказывают общее правило – научились правильно реагировать на тезис учёных о том, что слово приобретает конкретное значение, конкретный оттенок значения, стилистическую характеристику только в контексте. Вырывать слово из контекста недопустимо, анализируя какой-то спорный текст».

Исключения, по его мнению, могут составлять случаи, подобные тому, который произошел недавно в одном из судов: «Человек получил четыре года за хулиганство с тяжкими телесными. И когда судья объявляла приговор, он начал её откровенно материть: «да пошла ты...», начал использовать слова на три, на четыре буквы. Ему, наверное, в жизни было известно не больше шести букв, и он ограничился тремя или четырьмя. Судья тут же занесла эти слова в судебный протокол, приставы провели дознание, и тут уже не нужна была никакая лингвистическая экспертиза, потому что всё понятно. В основном слово живет в каком-то контексте: то ли это публикация, то ли выступление на митинге».

«Когда судья говорит: «А я беру с полки словарь Ожегова и читаю, что слово означает то-то и то-то», я всегда говорю: аксиомой в лингвистике является то, что конкретное значение слово приобретает только в контексте, причем как малом контексте, то есть внутри фразы или абзаца, так и в контексте всего высказывания или публикации. И предусмотреть все какие-либо нюансы стилистических оттенков, вариантов словесной игры и многого другого, как мне кажется, просто невозможно», – заключил учёный.

По мнению доктора филологических наук Григория Крейдлина, чтобы составить «сборник», надо определить, что такое оскорбление, и прийти к согласию, какие черты конституируют это понятие. «Сейчас согласия на этот счет нет, – сказал он газете ВЗГЛЯД. – Это понятие неопределенное. То, что для других людей является оскорблением, для других – нет. Например, известен такой журналистский приём: «Х сказал, что этот негодяй...» Кому принадлежит высказывание «этот негодяй»? Можно считать это оскорблением или нет?»

«Пьяница» – это оскорбление или нет? «Какой ты идиот!» – ласково говорит жена мужу. Оскорбляет она? Это очень сложно, многое зависит от контекста, от интонации... фактор адресата, фактор говорящего, обстановка. Я думаю, что пока наука не достигла той степени, чтобы это можно было определять», – считает ученый.

<http://www.vz.ru/society/2015/3/19/735116.html>